

СОДЕРЖАНИЕ

Вендиго. <i>Перевод Е. Романовой</i>	7
Ивы. <i>Перевод А. Панасюк</i>	73
Древние чары. <i>Перевод А. Панасюк</i>	135
Пустой дом. <i>Перевод Е. Романовой</i>	197
Заклятый остров. <i>Перевод А. Панасюк</i>	218
Некто. <i>Перевод Е. Романовой</i>	236
Кукла. <i>Перевод Е. Романовой</i>	274
Смит: случай в пансионе. <i>Перевод Е. Романовой</i>	319
Тайная месса. <i>Перевод Е. Романовой</i>	340

ВЕНДИГО

I

В том году охотники возвращались домой с пустыми руками, ни разу не напав даже на свежий лосиный след; лоси вели себя необычайно осмотрительно, и многочисленным нимродам¹ по возвращении в лоно семьи приходилось выдумывать в оправдание своих неудач самые удивительные небылицы, на какие только было гораздо их воображение. Доктор Кэткарт тоже вернулся без трофея, зато привез с собой воспоминание об удивительном случае, ценностью своей превосходящем, по его словам, всех когда-либо подстреленных им сохатых. Тут стоит заметить, что доктора Кэткарта интересовали не только лоси, но и среди прочего прихоти человеческого разума. Увы, именно эта история так и не вошла в написанную им позже книгу о коллективных галлюцинациях — по той простой причине, что он принял в ней непосредственное участие и полагал, что не может беспристрастно судить о произошедшем.

В охотничий отряд, помимо самого Кэткарта и его проводника Хэнка Дэвиса, входил племянник доктора, впервые приехавший в канадские леса, — сту-

¹ Н и м р о д — великий воитель-охотник и царь Вавилона, «сильный зверолов пред Господом» (Быт. 10:9). — *Здесь и далее примеч. пер.*

дент-богослов по фамилии Симпсон, вознамерившийся посвятить жизнь служению Свободной Церкви Шотландии, а также его личный проводник Джозеф Дефаго. Последний был так называемым кануком — франкоканадцем, много лет назад, еще во времена строительства Канадской тихоокеанской железной дороги, покинув родной Квебек и с тех пор осевшим на Крысином Волоке¹. По части умения ориентироваться в лесу и на любой местности ему не было равных, вдобавок он прекрасно пел старинные вояжерские песни и травил отменные охотничьи байки. А еще Дефаго был удивительно восприимчив к тем чарам, что перевозданная природа наводит на людей одиноких и чувствительных; необитаемые дебри он любил пылкой и романтической любовью, граничащей едва ли не с одержимостью. Жизнь бескрайних чащоб завораживала его — отсюда, несомненно, и происходила его исключительная сноровка в обхождении с их тайнами.

Взять Дефаго в ту охотничью экспедицию предложил Хэнк Дэвис. Он хорошо знал его и мог за него поручиться, что не мешало ему время от времени осыпать канука — «любя, по-дружески» — отборной бранью. Поскольку в запасе у Дэвиса было немало крепких, даром что бессмысленных, выражений, беседы двух этих суровых звероловов подчас носили весьма цветистый характер. Впрочем, из уважения к своему постоянному клиенту — доктору Кэткарту, коего Хэнк по здешнему обыкновению именовал просто «доком», — и памятуя о юном Симпсоне, который был «вроде пастыря», — он все же иногда сдерживал

¹ Крысиный Волок (*англ.* Rat Portage, *фр.* Portage-aux-Rats) — прежнее название канадского города Кенора.

поток сей виртуозной брани. Лишь одна черта Дефаго раздражала Хэнка по-настоящему (то, что он называл проявлением «горемычной души»): манера франкоканадца, верного своим романским корням, время от времени впадать в безмолвное уныние. В самом деле, Дефаго отличался богатым воображением и был подвержен приступам меланхолии, во время которых из него нельзя было вытянуть ни слова. Как правило, это случалось после чересчур долгого общения с «цивилизацией», и, стоило ему провести несколько дней на лоне природы, как он неизменно исцелялся.

Вот такой отряд собрался в лагере в ту ночь на последней неделе октября «года пугливых лосей» в глухом, угрюмом и безлюдном краю к северу от Крысиного Волока. С ними был еще индеец по прозвищу Шатун, не раз сопровождавший доктора Кэткарта и Хэнка в охотничьих экспедициях прошлых лет и исполнявший обязанности повара. Он оставался в лагере, ловил рыбу, готовил на огне дичь и по первому слову охотников варил кофе. Ходил в обносках, доставшихся ему от прежних городских патронов, и благодаря этому платью имел не больше сходства с подлинным краснокожим, чем намазанный гуталином актер театра с настоящим негром. Лишь жесткие черные волосы да смуглая кожа выдавали в нем дикаря. Впрочем, задатков своей вымирающей расы Шатун не утратил: он был вынослив, молчалив, угрюм и суеверен.

Тем вечером настроение у охотников было скверное. За неделю блужданий им не попалось ни единого признака недавнего пребывания лосей в этих краях. Дефаго спел песню и принялся было за очередную байку, но Хэнк, будучи не в духе, так часто пенял французу на «сплошные неувязки» и «бессовестное

вранье», что тот в конце концов насупился и умолк. Доктор Кэткарт с племянником после утомительного дня клевали носом. Шатун мыл посуду, бормоча что-то себе под нос в шалаше из веток, служившем ему и ночлегом. За медленно угасающим костром никто уже не следил. Над головой почти по-зимнему сверкали звезды, и ветра не было, отчего воду у самых берегов близлежащего озерца исподтишка захватывала ледяная корка. Из громадного леса на охотников напозвала обволакивающая, настороженная тишина.

Внезапно ее нарушил гнусавый голос Хэнка:

— Кажись, самое время нам перебираться на новое место, док, — энергично обратился он к своему патрону. — Здесь не охота, а маета одна!

— Согласен, — кивнул Кэткарт, человек немногословный. — Идея хорошая.

— А то! У меня плохих не бывает, — уверенно отозвался Хэнк. — Не худо бы двинуть на запад, в сторону озера Гарден, а? В том тихом краю никто из наших еще не бывал...

— Я с вами.

— А ты, Дефаго, вместе с мистером Симпсоном переберись на тот берег озера. Сволоките каноэ до Воды Пятидесяти Островов и хорошенько порыскайте по южному берегу. Прошлой осенью там сохатые гуляли — глядишь, нынче тоже туда подались всем назло!

Дефаго, неотрывно смотревший в костер, молчал. Видно, в нем еще кипела обида за прерванный рассказ.

— Бьюсь об заклад, в этом году ни одной души там не было! — с чувством добавил Хэнк, будто обладал некими тайными знаниями на этот счет, и пронзительно взглянул на своего приятеля. — Возьмите

маленькую палатку и махните туда на пару-тройку ночей, — заключил Хэнк, словно дело было уже решенное, потому как в отряде все подобные решения принимал он.

Все ясно видели, что Дефаго не в восторге от плана, однако в его молчании читалось нечто большее, чем простое неодобрение, а на его подвижном смуглом лице мелькнула и мгновенно погасла странная искра — впрочем, не настолько быстро, чтобы ускользнуть от внимания остальных.

— Он струсил, так мне думается, — позднее, уже в палатке, сообщил Симпсон своему дяде.

Доктор Кэткарт не ответил, хотя выражение лица Дефаго тоже его насторожило и вызвало в нем смутную тревогу, объяснить которую он тогда не сумел, как ни пытался.

Конечно, первым замешательство Дефаго заметил сам Хэнк. Как ни странно, оно не вывело его из себя, а, наоборот, смягчило.

— Да брось, — примирительно сказал он, — нет ведь никакой *особой* причины, почему туда охотники не ходят. И уж верно дело не в том, о чем ты подумал! Вот в прошлом году да, пожары там бушевали, потому никто туда и не рвался, а нынче... А нынче просто так вышло, и все! — По его тону было ясно, что он пытался ободрить товарища.

Джозеф Дефаго на миг поднял взгляд и тут же опять опустил. Из леса как раз вырвалось дуновение ветра, и в зареве от ярко вспыхнувших углей доктор Кэткарт вновь различил на лице проводника то странное выражение, и оно вновь ему не понравилось. На сей раз чувства Дефаго успели выдать глаза — глаза человека, испуганного до глубины души. Это встревожило Кэткарта куда больше, чем он готов был признать.

— Уж не индейцы ли там лютуют? — спросил он с легким смешком, чтобы немного разрядить обстановку; клевавший носом Симпсон не заметил этой немой сцены и, протяжно зевнув, направился к палатке. — ... или, быть может, какая-то беда случилась в тех краях? — добавил Кэткарт, когда племянник уже не мог его услышать.

Хэнк посмотрел ему в глаза, но не прямо и открыто, как обычно, а в явном замешательстве.

— Да он просто трухнул! — воскликнул он с деланным благодушием. — Бабкиных сказок наслушался, верно, старина?! — Он дружески пихнул мыском ботинка протянутую к костру ногу Дефаго, обутую в мокасина.

Тот вскинул голову, словно очнулся от забытья — которое, впрочем, не мешало ему видеть и слышать все, что происходило вокруг.

— Трухнул? Еще чего! — с вызовом воскликнул он. — Заруби себе на носу: ничто в лесу не может напугать Джозефа Дефаго! — Последние слова были произнесены с такой запальчивостью, что невозможно было определить, правдивы они целиком или только отчасти.

Хэнк повернулся к доктору и хотел что-то добавить, но вдруг замер и осмотрелся по сторонам. Все трое услышали рядом какой-то шум и невольно вздрогнули. Оказалось, то был Шатун: он выбрался из своего шалаша и теперь стоял за пределами круга света, отбрасываемого костром, молча слушая их беседу.

— В другой раз, док! — подмигнув, шепнул Хэнк Кэткарту. — О таком лучше толковать без свидетелей, с глазу на глаз.

Тут же он вскочил на ноги, хлопнул индейца по спине и громко закричал:

— Иди к огню, погрей маленько свою грязную красную шкуру! — Он подтащил Шатуна к костру и подбросил в огонь немного дров. — Накормил ты нас сегодня честь по чести, — радушно продолжал он, словно пытаясь сбить индейца со следа. — Не по-божески оно, чтоб твоя старая шкура дрогла на морозе, пока мы тут жаримся у костра!

Индеец подошел и сел к огню, угрюмо улыбаясь словоизвержениям Хэнка, которые понимал лишь отчасти. Тогда доктор Кэткарт, сообразив, что поговорить по душам уже не получится, последовал примеру племянника и ушел в палатку, оставив троицу курить у пылающего костра.

Раздеться в маленькой палатке, не разбудив соседа, — дело непростое, и Кэткарт, человек пятидесяти с лишним лет, но закаленный и пышущий здоровьем, решил снять с себя как можно больше вещей на улице. В процессе одного разоблачения, которое Хэнк назвал бы «молодецким подвигом», он заметил, что Шатун удалился в свой шалаш, а Хэнк и Дефаго опять взялись за старое, причем на сей раз грызлись от души, и больше всего доставалось маленькому франкоканадцу. Все это очень походило на сцену из типичного спектакля о завоевании Дикого Запада: на лицах обоих участников играли, мешаясь с черными тенями, алые отсветы пламени; Дефаго в мягкой широкополой шляпе и мокасинах явно исполнял роль злодея пустоши, а Хэнк, с простым открытым лицом, непокрытой головой и порывистыми движениями могучих рук и плеч, играл честного, коварно обманутого героя. Таинственности происходящему добавлял старый Шатун, подслушивающий на заднем плане. Подметив все эти забавные подробности, доктор невольно улыбнулся, но в то же время внутри

у него что-то — он сам не понял, что именно, — испуганно сжалось, будто едва уловимое дурное предчувствие тронуло поверхность его души и тут же сгнуло, прежде чем Кэткарт успел его осознать. Быть может, дело было в том испуге, который он различил в глазах Дефаго; «быть может» — потому что это мимолетное чувство не поддавалось никакому анализу, хотя острый аналитический ум Кэткарта обычно схватывал и подмечал все. От Дефаго могут быть неприятности, смутно подозревал доктор Кэткарт... Он не такой надежный проводник, как, например, Хэнк... Однако дальше этих рассуждений дело не шло.

Доктор еще какое-то время понаблюдал за ссорой, а затем нырнул в душную палатку, где уже крепко спал Симпсон. Хэнк бранился как портовый грузчик, но бранился «любя». Невообразимые ругательства хлестали из него бурным потоком, ибо все помехи их свободному излиянию крепко спали. Вот Хэнк почти по-дружески взял своего приятеля за плечо, и они вместе ушли в темноту, из которой смутно проглядывали очертания их палатки. Шатун последовал их примеру и зарылся в груды пахучих одеял на противоположной стороне лагеря.

Доктор Кэткарт тоже лег. Усталость и сонливость какое-то время еще вели борьбу с любопытством и желанием дознаться, что же так напугало Дефаго на южном берегу Воды Пятидесяти Островов и почему Хэнк не захотел продолжать разговор при Шатуне, но в конце концов сон все же сморил его. Завтра он все выяснит. Хэнк ему расскажет, когда они будут вдвоем бродить по лесам в поисках неуловимых лосей.

Глубокая тишина опустилась на маленький лагерь, разбитый столь дерзновенно в самом сердце — или, скорее, прямо в разинутой пасти — дикой глу-

ши. Подмораживало. Черная зеркальная гладь озера сверкала под звездным небом. В потоках колючего ночного воздуха, безмолвно льющегося из глубин леса и несущего с собой послания от дальних горных хребтов и подмерзающих озер, уже угадывались неясные, тонкие запахи надвигающейся зимы. Слабое обоняние белого человека не способно уловить эти почти электрические ноты: дым от костра прячет от нас дыхание мха, коры и далеких заиндевелых топей. Даже Хэнк и Дефаго, заключившие негласный союз с лесными духами, быть может, напрасно раздували бы сейчас ноздри...

Однако час спустя, когда все заснули мертвым сном, старый Шатун выбрался из груды одеял и тенью скользнул к берегу озера — бесшумно, как умеют только индейцы. Он поднял голову и осмотрелся. В густом мраке возможности человеческого зрения ограничены, но Шатун, подобно лесным зверям, обладал другими чувствами, над которыми тьма была бессильна. Индеец прислушался и потянул носом воздух. Неподвижно замер, точно ствол тсуги, а спустя пять минут еще раз поднял голову и принялся. Затем еще раз. Так он пробовал морозный воздух, и по всему его телу разбегались иголки: работали незримые волшебные нервы. Наконец, слившись с окружающей темнотой, как умеют только дикари и животные, Шатун повернулся и той же тенью прокрался обратно к шалашу и своему ложу.

Вскоре после того как он заснул, предсказанный им ветер поднялся и всколыхнул отражение звезд на озерной глади. Рожденный среди дальних горных вершин за Водой Пятидесяти Островов, этот ветер задул с той стороны, куда смотрел индеец, и с тихим, едва различимым в ночи шелестом пронесся над спящим